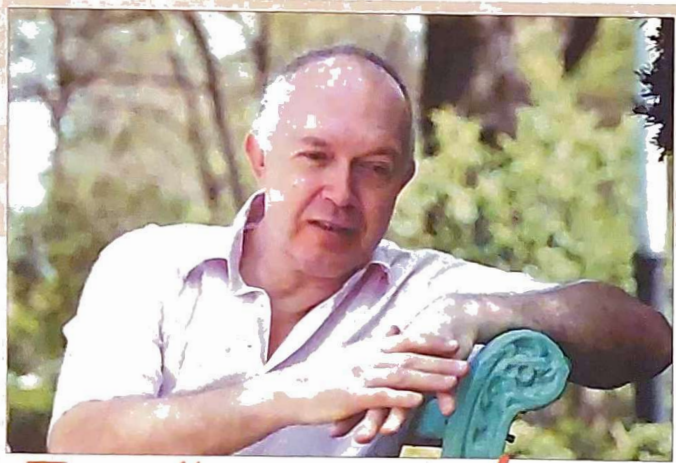

Сегодня мы отправляемся в путь по заоблачной тропе туда, где цветут эдельвейсы, вместе с русскоязычным писателем из Австралии Юри Мэттью Рюнтю, который в настоящее время живет в Алматы. Он академик Международной академии при ООН, авторитетный международный эксперт в области русской культуры и искусства.

«Делай то, что дóлжно делать, что бы ни случилось»

Рубрику ведут
Алмат ЗАНЛИЙСКИЙ
Фото Мэлса ЕТЕКБАЕВА

- Несмотря на ваш пространный кругозор, господин Рюнтю, я решил доснастить нас в этом походе мудростью английских классиков.

Есть сборник - «Афоризмы на каждый день». Из россыпи изречений, выпавших на сегодня, я выбрал такие: 1) «Люби всех, доверяй избранным, не делай для никому» (Уильям Шекспир); 2) «Гений делает то, что должен; талант - то, что может» (Бернард Шоу).

- Признаюсь вам, что я, будто следуя совету Шекспира, люблю всех. Зла не делаю никому, потому что не расстаюсь с Богом. Что же до избранных, то об этом, если не возражаете, поговорим чуть позже, на ближайшей передышке.

- Интересно, как человек творческий, вы всегда делаете то, что можете, или только то, что должны?

- О, этот вопрос я готов сейчас впервые задать самому себе. Вышло так, что в свои самые свежие годы я занимался «не тем», посвятив себя молекулярной биологии во всем ее диапазоне. От низших типов (нет, это не индивиды с низменными свойствами)... от низших типов беспозвоночных до сферы судебной экспертизы. Даже успел стать доктором наук. И вдруг понял, что проводить исследования ради исследований - это всё забавы ума. Или «игра в бисер», если применить здесь название романа Германа Гессе.

- Самооценка этого лауреата Нобелевской премии, наверное, редко кому будет чужда: «Знающим я себя назвать не смел. Я был и все еще остаюсь ищущим».

- Я упустил главный для любого человека вопрос: зачем ты родился? Каково твое предназначение? Или - что ты можешь сделать такого, чего не сможет больше никто? И я решил найти свой ответ.

- В этой связи будут уместны мудрые слова еще одного немецкого гения - Гете: «Каждый чувствует, что за его историей скрывается НЕЧТО. Только никто не знает - ЧТО».

- Вот это «ЧТО» я и обрел в Лондоне, познакомившись с Рудольфом Нуреевым, мировой звездой балетного искусства, и в тот же момент осознав, что именно для этой встречи я и появился на свет. Я мог бы повторить о Нурееве слова, сказанные мне великой латышской актрисой Вией Артмане о другом мировом классике - кинорежиссере Андрее Тарковском: «Это человеческая совесть, не примеряющая бессовестности XX века».

Во время нашего первого разговора он спросил меня «Ты знаешь, когда я родился?... 17 марта». Я улыбнулся: «О, мой сын Матвей тоже родился 17 марта!» Нуреев сказал: «Ну, это уже тост! На сегодня всё у нас совпадает».

Кстати именно 17 марта 2007 года многоуважаемый Мурат Мухтарович Аэзэов дал мне рекомендацию для приема в Союз писателей Казахстана.

- Напомню вам, что это за дата такая 17 марта. Это День Святого Патрика. Сем мамах считается «покровителем Ирландии», куда он в IV-V веках принес христианскую веру. Этот день празднуют все англоязычные. И Нуреев сказал: «Тебе не избежать встречи с писателем Патриком Уайтом. Он, как и ты, австралиец». А я в то время, кроме своей молекулярной биологии, мало что и знал. В балет ходил изредка, читал в основном родную для моих предков русскую литературу. И никогда не занимался «игрой в бисер», то бишь не играл словами и фразами, контекстами, подтекстами...

- А на отдельных интернетских сайтах вы как раз объект такой игры. Кто-то назвал вас «человеком, усыновившим Маленького принца». По словам его «отца» - французского писателя и военного летчика Антуана де Сент-Экзюпери, Маленький принц «понимает все на свете». Эта философская сказка была написана в 1944 году, за год до безвестной гибели ее автора - где-то над Северной Африкой.

- Интернет - не то платье, которое можно натягивать на живого человека.

- Вам принадлежат завидные по искренности слова. Они способны обезоружить любого из ваших оппонентов: «Всё о себе на открытых ладонях, без нелепых тайн». Вы и сейчас не академически шествуете по горной тропе, а идете, словно бы распахнув ладони к небесам.

- Потому что мы с вами движемся к белым, чистым эдельвейсам. Этот высокогорный цветок (даже высушенный) остается для меня символом святости. Все низкое и низменное осталось где-то вон там - внизу.

- Пусть копошится там и злословие, которое порождают, как вы однажды сказали, «узколобость и бездарность».

- Когда ты автор 35 книг, представленных всему миру, какие могут быть еще вопросы? Разве что в интервью. Все мои книги безвозмездно переданы в 140 стран - членов ООН. Они находятся в национальных библиотеках, музеях истории и искусства и в университетах. А также в Интернете. Я полностью отказался от своих авторских прав и дал разрешение свободно копировать эти тексты. Все - ради гуманизма и просвещения.

А упомянутыми вами «некомплетными вирусами» злословия был атакован мой роман «Руди Нуреев без макияжа», изданный в 1995 году. Он создан на основе его писем Патрику Уайту, которые тот передал мне.

Хотите, перескажу вам отклик газеты «Коммерсантъ-Daily» на этот роман? В книге запечатлен мерцающий образ гениального танцовщика. Это не первая исповедь больного СПИДом, и не первая книга о Нуреве. Но в этом романе есть еще один план: общность людей, любящих и страдающих на нашей планете. Потому-то любимый герой Нуреева - Маленький принц. «Он был, - сказал великий артист, - как и я, космически одинок».

...Ну что, передохнём?... Впереди у нас не горные, а горние вершины. Там - вакуум, там дышать будет затруднительно.

- Эти пики, кажущиеся прозрачными от отдаленности, ассоциируются у меня с рядом звездных имен в ваших книгах. С Беллой Ахмадулиной, например. В апреле у нее юбилей - странно почтенный для всегда юного ее дара. Вы дали ему исчерпывающую характеристику: «Все гениальное монументально и хрупко». По-моему, в книге «Медитации», посвященной двум поэтам - Ахмадулиной и Бродскому?

- О, Иосифа Бродского я просто боготворю!

- Он и сам представил себя актрисе Алле Демидовой как «полубога».

У Бродского есть строки, звучащие сегодня путеводно:

Душа твоя прекрасна и тиха.
Душа твоя не водает греха.
Душа твоя по-прежнему в пути.
По-прежнему с любовью
во плоти...

Вы назвали этого Нобелевского лауреата «последним Апостолом Серебряного века русской культуры».

- В поэзии. Ведь он получил благословение Анны Ахматовой. Последним же «серебряным» прозаиком считают младшую сестру великой Марины Цветаевой - Анастасию. Самая первая ее книга-эссе, вышедшая в 1914 году, называлась (вслушайтесь только!) - «Королевские размышления». Она выжила в сталинских лагерях. А ссылку отбывала здесь, в Казахстане.

- Когда в 1960 году Анастасия Ивановна вернулась в Москву, ее дар писателя-мемуариста щедро плодоносил более трех десятилетий. Будто по Божьему мановению.

- Есть гении от Бога, есть - от дьявола. Все они могут быть *равновеликими*

- Вы сочинили пьесу «Ад Сергея Есенина и Айседоры Дункан». О трагическом счастье этой звездной супружеской пары - русского поэта и американской танцовщицы. В числе персонажей драмы - Яков Агранов, один из шефов госбезопасности СССР. Этот интеллигентствующий чекист был накоротке со многими знаменитыми деятелями культуры. У вас он ерничает по поводу Сергея Есенина и почитателей его таланта: «Сопляк он, а не «Второй Пушкин»! В «Пушкины» мы раскрутим Маяковского». На что его подручный кивнул: «Этот - наш. Мы сделаем из него «Апостола Серебряного века». Плохо верится, что данный высокий титул мог входить в лексикон сталинских палачей.

- В их речи это издевка. Некоторые из карателей первого чекистского призыва были очень умные люди, одаренные дьяволом. От дьявола, например, и бесспорный талант Маяковского. Он, согласно официальной версии, покончил с собой. Как, якобы, и Сергей Есенин.

- Старшее поколение зарубило себе на носу ярлык, прибитый к нему Сталиным: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

- Я написал о нем книгу «Шут, палачи дворянин у трона Революции». Почему палач? В том же 1914 году, когда вышли цветаевские «Королевские размышления», Маяковский сочинил, как я считаю, программное для себя стихотворение: «Я люблю смотреть, как умирают дети».

- Давайте-ка лучше переведем взоры на очерченную в ваших книгах пиковую гряду других гениев - от Бога. Они-то - все «равновеликие»?

Для меня неоспорим жизненный и творческий эталон всемирно известной супружеской пары - это прима оперы Галина Вишневская и маг виолончели, дирижер Мстислав Ростропович. Вы их характеризуете как людей «гордых, никогда не торгующих». Хотя и небеспристрастных, если исходить из названия вашей о них книги - «Пристрастия воли».

Меня удивило название другой вашей книги - «Реквием для фарисея». Она о Юрии Любимове, создавшем в 1964 году прославленный Театр на Таганке. Кто сей «фарисей»?

- Он сам, Юрий Петрович в последние годы жизни «гения (а точнее - дьявола) всех времен и народов товарища Сталина» (1879-1953) ходил у него в «конферансье», Любимов так отозвался о названии моей книги: «Оно отвратительно. Но это точный знак времени. Причем самый деликатный».

Котлован под зданием театра - память о знаменитой на всю Россию Таганской тюрьме, возведенной здесь в 1804 году для уголовников. Спустя век ее переоборудовали на политзаключенных. В советский период там содержали, пытали и расстреливали бесчисленных «врагов народа» - лиц, не согласных с политикой партии Ленина-Сталина. В 1958 году тюрьму снесли, но, как признался мне Любимов, «меня там трясет каждый день».

Сценические фантазии этого великого режиссера замешаны на реальности. Его прозрения рождают про-

роческие сны о будущем России и человечества. Забота о гордом и свободном человеке - жизненный принцип мастера.

- Вернемся к «пику» Аллы Демидовой. Вы дали ей оценку, нелицеприятную для актрисы такой высоты: «У нее все лаконично, размеренно и безошибочно - от ума». Я видел в Алматы ее гастрольный моноспектакль «Медея. Материал» по пьесе немецкого драматурга Хайнера Мюллера на тему Еврипида. Каждый ее жест и слова были совершенными формулами. Такая «ледяная пирамида». Это не искрящаяся на солнце Алиса Фрейндлих, чей голос (в вашем восприятии) «хрустален и рассыпается призрачным стеклярусом».

- Потому-то Андрей Кончаловский в своем фильме «Зеркало» и не стал снимать Аллу Демидову в «зеркальных» ролях Матери-Жены Автора. А призвал Маргариту Терехову, похожую на его маму. «Я уверена, - говорила мне актриса, - что если бы Тарковский захотел, у него бы и бревно сыграло. Просто из любви к нему». Творя Тарковский в западном кинематографе, он пригласил бы, наверное, Демидову. Русский кинематограф... как бы это сказать... он несколько вульгарен, что ли... Чего у Аллы Демидовой нет.

Чего нет и у этих зайлийско-алатауских предгорий, где мы сейчас с вами находимся. Здесь загадочная аура. Она наводит на размышления о той самой шекспировской избранности, что всегда связана с особой энергетикой.

- Кто, по-вашему, ею обладает?

- Такая энергетика была у Рудольфа Нуреева. Подобные личности артиллерийски точно «отстреливают» из топпы тех людей, которые к чему-то призваны. Он уже угасал и целенаправленно высчитывал человека, способного осуществить его вековую мечту, которую он не мог унести с собой. «У гроба нет карманов», - сказал он мне после нашей третьей встречи.

Я тогда и думать не смел, что сумею решить эту грандиозную задачу. Но золотое зерно мечты Нуреева, видимо, попало в благодатную ухоженную почву. Мне пришлось поверить в себя. Я начисто забыл свою молекулярную биологию и, задействуя весь отпущенный мне личностный потенциал, начал два глобальных культурологических проекта. Их профинансировали Рудольф Нуреев и британский рок-певец Фредди Меркьюри (тоже жертва СПИДа). В 1998 году в Алматы вышла моя книга о них: «Рок-Идол и Суперзвезда...».

Эти проекты, направленные на развитие духовных и интеллектуальных достижений человечества в мире без войн, называются так: «Мировое интеллектуальное наследие Рудольфа Нуреева: Россия-XX век» и «Мировое интеллектуальное наследие Йуи Мэтью Рюнто: Россия-XXI век».

Это не просто хроники. Это координаты в мире культуры. Если координат нет, эталонов нет - то всё! Впереди ничего не будет. Ничто выдающееся в культуре не создается без преемственности между трудолюбивыми учителями и благодарными учениками. Черствый и заносчивый ученик останется бесплодной смоковницей, похороним труд предыдущих поколений.

- Представляю, каково это - отринуть привычные скальпель и микроскоп и взяться за перо на абсолютно новом для себя поле.

- Потому-то Нуреев и направил меня на литературную выучку к лауреату Нобелевской премии Патрику Уайту. Он занимался со мной два года. Мне было 35, ему - за 80. Уроки или так. Мы описывали на английском, к примеру, «ощущения облаков». На облаке сидит мальчик, свесив ноги...

С этого облака и начался мой путь в литературу. А теперь... В «Словаре языка Пушкина», изданном в 2000 году, более 20 тысяч слов. У меня восемь тысяч слов. «Я не волшебник, я только учусь». Правда, другого такого русскоязычного писателя из Австралии больше нет нигде в мире. Если когда-нибудь что-нибудь от меня останется - это будут мои книги.

- Спрошу вас по старинке: чувство Родины с чем у вас связано?

- Да нет у меня такого чувства! Моя Родина - мой язык.

- В 1997 году вы издали книгу «Великие немые: Галина Уланова, Наталия Дудинская, Махмуд Эсамбаев, Булат Аюханов...».

- Название для книги придумал Нуреев. Две первые звезды мирового балета, Уланова и Дудинская, олицетворяют христианскую культуру. Они получили образование от звезд Мариинской сцены - Российского Императорского театра. «Чародей танца» Эсамбаев представляет культуру многонационального мусульманского Кавказа. Аюханов - культуру многоконфессионального Казахстана. Если бы я должен был охарактеризовать Булата Аюханова только одной фразой, то вот она: «Интеллект и импульсивность ищут гармонию в его сердце».

Для Нуреева важным было соединить представителей этих разных культур, которые столетиями мирно и бесконфликтно сосуществовали в составе России. Упомянутые российские звезды мирового балета много раз бывали в Алматы. Они как бы благословили всех, идущих дальше.

- В аннотации эта ваша книга названа «историко-биографической эпопеей о бытии творческой личности в национальных культурах. Все они - эталоны Совести, воплотившие в своей жизни библейские истины и заветы Корана и олицетворявшие человеческое достоинство и честь».

Хотите поделиться воспоминаниями о ком-то из этих светил?

- Чудом общения я называю встречи с Галиной Улановой и Наталией Дудинской. И благодарю Бога за то, это чудо длилось и длилось.

- Вас не затруднит описать аромат «эдельвейса» Улановой?

- О, я только помню тогдашний свой страх и обожание. И ужасное чувство ответственности перед Нуреевым за результат своей подневольной работы. Но этот труд настолько мне понравился, что я уже не смог без него жить. Прозорливый Нуреев сказал мне: «Ты не понимаешь, что создан для этого. Точно так же, когда мы выбираем молодых учиться танцевать, они и не догадываются, что со временем станут *эквивалентами* Нуреева».

Я подружился с Нуреевым на четыре года, а вышло 15! Если бы он с самого начала сказал мне про столь долгий срок этого моего каторжного труда, я бы, наверное, не начал взбираться на «хрустальные вершины искусства».

- Так каким был ваш первый шаг на «пик Улановой»?

- 3 октября 1995 года в Большом Кремлевском дворце была премьера балета композитора Тихона Хренникова «Наполеон Бонапарт». Символично, что темы судьбы императора были не чужды Галине Сергеевне: любовь и страсть, жизнь и смерть, одиночество и предательство, победы и поражения.

Уланова сидела в первом ряду. В антракте я подошел к этой огромной, маленького роста, вжатой в кресло 85-летней женщине. И, весь изогнувшись, представился как друг Рудольфа Нуреева. Сказал, что счастлив ее видеть, что работаю над циклом книг, что у меня по сценам безвыходное положение. И добавил, что мы должны обязательно друг другу понравиться. Уланова сказала, что обезоружена подобным подходом. Обычно встречи с ней назначаются официально и проходят в договоренных рамках.

Подошел улыбающийся Юрий Любимов и, в свою очередь, представил меня как «эдакого чудака из Австралии», «маленького пингвина» (так он обычно меня называл). И рассказал о моей технологии работы над интервью. Я его тоже записываю от руки небольшими частями, которые чуть же зачитываю, и те места, с которыми интервьюируемый не согласен, вычеркиваются. Это исключает его превращение во врага автора после публикации материала.

- Но это же растягивает творческий процесс.

- А я не спешу. Я ведь занимаюсь бессмертными...

Уланова сказала: «Вы мне нравитесь. Если увидите Нуреева (а он уже умер к тому моменту), то передайте ему, что я его любила. Всегда любила». И я почувствовал, что в ее сознании произошло расщепление времени. И понял, что она с ним не расставалась. Позже я возложил по ее просьбе букет роз на могилу Рудольфа Нуреева на кладбище в Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

Когда я потом позвонил Галине Сергеевне и начал, путаясь в словах, вещать о том, что хотел бы задать ей несколько вопросов, она сказала мне: «Ну... что вы... там вот... Говорите прямо. Я же простой валенок».

- Вам не было интересно узнать или самому задуматься над тем, отчего великая балерина, которую писатель Алексей Толстой назвал «обыкновенной богиней», привела такое странноватое сравнение?

- Я ни-ког-да ни-че-го ни у кого не комментирую. И не «задумываюсь». Я просто пишу «Реку Времени». Описываю ее течение в гармонии мира.

- Это очень похоже на кредо Андрея Бартенева, эпатажного и все еще модного российского художника и дизайнера (вы написали о нем книгу «Предчувствия»): «Искусство для меня - это единый поток, и мне все равно, в какие формы он выливается».

- Я должен сказать, что самому мне плавать в «Реке Времени» не хочется, потому что все герои моих публикаций трагичны. Я говорю им (не вслух, конечно): «Ваша боль - это моя боль, но я пока не хочу кануть в эту Реку».

Между мной и моими героями расстояние в полвека. Разговаривая с Галиной Сергеевной Улановой, я словно бы прожил ее 88-летнюю жизнь. То же могу повторить о 80-летней Наталии Михайловне Дудинской. И о 90-летнем академике Дмитрии Сергеевиче Лихачеве, который сказал: «Человек не только биологическое существо, но и существо духовное. Ему нужна культурная среда как воздух. Без нее будет происходить моральное вымирание человечества». И о 80-летних Галине Павловне Вишневской и Мстиславе Леопольдовиче Ростроповиче. И о Юрии Петровиче Любимове, которому 30 сентября 2007 года исполнится 90 лет. И об Александре Исаевиче Солженицыне. Свои 90 он встретит в 2008 году.

Жизни всех этих патриархов культуры, которые описаны у меня по годам, я прибавляю к своей собственной жизни.

...Но возвращаюсь к телефонному разговору с Улановой: «Мне надо напилить о вас книгу. Это мечта Нуреева. Как бы мы могли встретиться?» - «Последние шесть лет я живу на сэндвичах, потому что моя подруга, которая заботилась обо мне, умерла. Я не могу вас принять». - «Но я же не совсем «валенок», я могу все с собой принести». - «Ничего не надо нести. Я приучена к тому, чтобы был накрыт стол, и все было заранее приготовлено. Я ведь из Санкт-Петербурга, я из «тех».

Галина Сергеевна, однако же, меня приняла. «Задавайте вопросы». - «Что вы сейчас делаете?» - «Я прихожу с работы и вишу на люстре». (Тут я заплакал.) «Хорошо, я с вами поговорю, - сказала она. - Но будет лучше, если вы сначала съедите к Дудинской. С ней, правда, вам будет тяжелее разговаривать». И добавила: «Она не мой друг».

Это не коллизия между двумя великими балеринами, которые «не поделили две столицы или одну славу». И не конфликт между двумя театрами - Мариинским и Большим. Уланова боготворила Петербург и ненавидела Москву, куда ее перевезли в 1944 году, не испросив ее согласия.

- И в Питере вы начали восхождение еще на одну величавую вершину.

- Я сравниваю эти визиты с вхождением в клетку! Переступая порог: «Надо же! Какой красивый бенгальский тигр!» И начинаю жить с ним. Но не приручая. Биографам нельзя приручать своих подопечных. Разговорить «великих немых» - искусство. Теперь они не молчат: мы разговариваем в один голос. Но имейте в виду - я не считаю себя ничьим душеприказчиком.

Дудинская тогда еще преподавала в Училище имени Вагановой, где проработала полвека. В вестибюле меня встретили две старушки-смотрительницы: «Ее сегодня нет». Но я-то чувствую, что она здесь. И вот «руины великой балерины» нисходят по лестнице. Я подбежал к ее последним шести ступенькам и подал руку. Попросил об интервью. Наталия Михайловна сослалась на отъезд. Тогда... я передал ей привет от Ахуханова, которого, я это знал, она очень любила. «О, Булатик!» - повернулась она ко мне. И я тут же попросил ее сказать несколько слов о Галине Улановой.

Она присела у гардероба и проговорила: «Галина Уланова знаменита тем, что ей хорошо удаются партии Смерти и Любви». Мне показалось, что все особенности ее голоса, тембр и дикция словно бы отражали движение ее сердца. Этот был голос, выстраданный жизнью.

Все подробности встреч и бесед с этими российскими звездами мирового балета - в моей книге «Авиарейсы: Москва - С.-Петербург - Алматы».

- Мне показался оригинальным ваш афористичный взгляд на русскую писательницу Людмилу Петрушевскую: «Ее сердце имеет уши». И о себе вы тоже могли бы, наверное, сказать, что ваше сердце столь же чутко.

- Гм... Свое сердце я «держу в морозильнике». Оно принадлежит только мне. Я не отдаю его напрокат и никого в него не впускаю.

- Не одиноко ли вам наедине со своим сердцем?

- Время для ответа еще не пришло. Я хочу, чтобы оно мне не отказывало.

Я написал многолюдную «галерею» литературных портретов. Среди них очерки о 50 алматинцах, которые (на мой взгляд и слух) воплощают в себе колорит города и передают его ритм. Назову двух из них. Это доктор философии Нуриля Шаханова, лауреат престижной премии Фонда Фулбрайта, И Булат Атабаев, эпатажный театральный режиссер.

- У создателя американского поп-арта Энди Уорхола (тоже ваш персонаж) есть симптоматичный афоризм: «Самый интересный вид искусства - успех в бизнесе».

- В этой смысловой связке я тоже могу привести ряд имен. Бизнесмен Ирина Мозенко, которая сама выстроила свою феноменальную судьбу. Нурберген Махамбетов, директор одной радиостанции, чуткой к движению времени. Предприниматель и начинающий детский писатель Данияр Турсунов. Его сказки я перевел на английский, немецкий и французский.

Я и сам пишу сказки. Вот, например, «Старик и зеркало». Старик, увидев в зеркале, что у него остается мало волос, начал считать, сколько ему понадобится денег, чтобы восстановить шевелюру, если каждый волосок стоит доллар. Сто долларов?... Тысячу?... Миллион?... Нехто ему сказал: «Ты уже весь бюджет страны потратил на свои волосы».

- Как приходят к вам темы или сюжеты сказок?

- Я не успеваю задавать себе такие вопросы, я пишу. Всю жизнь я стараюсь следовать завету Льва Толстого: «Делай то, что должно делать, что бы ни случилось». Я сделал все, что мне завещал Нуреев, и теперь сочиняю в основном сказки. Скоро они выйдут в Алматы одной книжкой: «Сказки старого человека». С иллюстрациями казахстанских художников.

- Наверное, это для вас «Возвращение в Детство». Так называется одна из ваших книг-эссе. Пора и нам возвращаться в Алматы - город нового этапа вашей жизни. Прежде чем мы начнем спускаться в его дымчатую, как будущее, котловину, окиньте панораму взгляда...

- Я вижу чистое, без смога, сердце города. Алматы - сокровищница творческого потенциала Казахстана.

- В символическом Дипломе, который вам вручили в Алматинской классической гимназии искусств, есть вдохновляющие слова: «В жизненном столкновении Вечного и Текущего Человек-труженик интересен и важен настолько, насколько он личность, насколько богат его Духовный мир и сконцентрирован в нем его Время. Ваши статьи о видных деятелях Казахстана не могут оставить равнодушным никого».

- Алматы, прямо скажу, избаловал меня знаками внимания. Я радуюсь тому, что город меня любит. Это взаимное чувство.

- Настал момент повторить вслед за Юрием Любимовым: «Мы все обожаем антракты! Пусть под занавес нашего «похода за эдельвейсами» прозвучит полный многих смыслов фрагмент из уже цитированной поэмы Иосифа Бродского «Зофья»:

Напрасно вы не выключили свет,
Напрасно вы оставили свой след.
Знакомцы ваших тайн не берегут,
За вами ваши чувства побегут.
Что будет поразительней
для глаз,
чем чувства, настигающие нас?..

Трона к эдельвейсу